

9(4)2

М-71

1964 г.

1954

ИСТОРИЯ XIX ВѢКА.

ДИРЕКТОРИЯ

Томъ I.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ БОНАПАРТЕ

Мишле.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ВТОРАГО ИЗДАНІЯ

М. Дебриковой.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Въ типографіи Ф. С. Сущинскаго.
Екатерининскій каналъ, 108.

1883.

Ніфенте

6126

БИБЛИОТЕКА
Историческая секция
Государственного Университета
г. Петрограда
проспект. Ленина № 89
13304

Въ предисловіи я изложу предметъ этого тома, а равно и слѣдующихъ; но прежде мнѣ надо сказать о томъ, какъ онъ былъ заготовленъ и оконченъ при обстоятельствахъ, которыя могли помѣшать ему когда бы то ни было появиться въ свѣтъ.

Въ 1838 г. когда я поступилъ въ Институтъ на отдѣленіе политическихъ наукъ, различные оттѣнки рантий, мнѣній и правительственныхъ системъ, черезъ которыя прошла Франція, были представлены людьми содѣлавшими и знавшими многое. Тамъ былъ еще конвентъ въ лицѣ Лаканала, время директоріи въ лицѣ Рэйнарда. Имперія была тамъ въ лицѣ герцога Бассано. Всѣ они охотно бесѣдовали съ писателемъ, относительно очень молодымъ и который повидимому занимался единственно днешней монархіей. Въ то время я такъ мало надѣялся довести свою исторію до девятнадцатаго вѣка. Однако мой инстинктъ историческаго изслѣдователя побуждалъ меня интересоваться разсказами ихъ и я никогда не возвращался домой послѣ бесѣды съ ними безъ какой нибудь любопытной замѣтки, которую я бросалъ въ свои картонны. Замѣтки эти ждали тридцать лѣтъ. Въ архивахъ также, гдѣ я былъ начальникомъ

историческаго отдѣленія, я имѣлъ случай видѣть и слышать другихъ лицъ, которыя приходили дѣлать справки по своимъ дѣламъ и обязательно бесѣдовали со мной. Тамъ я познакомился съ Лагардомъ, остроумнымъ секретаремъ директоріи, и тѣми изъ подрядчиковъ, которые, гораздо болѣе нежели директорія, снарядили молодого корсиканца и пустили его на свой счетъ въ великую итальянскую кампанію; которые, наконецъ, не смотря на дикую неблагодарность его, привязались къ судьбѣ его и устроили для него, такъ дорого стоившій, 18 брюмеръ.

Замѣтки эти, такъ драгоценныя, мирно покоились въ картонкахъ своихъ, и въ тотъ день, когда я захотѣлъ воспользоваться ими, онѣ едва не погибли.

Я живу близъ обсерваторіи, въ пустынной и безмолвной части города, никогда не имѣвшей чести быть замѣшанной въ великія событія Парижа. Въ одно утро порѣшили, что необходимо жечь ее для защиты города. Если сжигали центръ части—ратушу, то тѣмъ болѣе слѣдовало сжечь все находившееся на дорогѣ версальской арміи, кварталы Монъ-Парнасъ и Обсерваторіи. Мой домъ находился на углу обѣихъ улицъ и близъ Люксембурга, и при такомъ стратегическомъ положеніи долженъ былъ первымъ подвергнуться уничтоженію; но этого не случилось. Упрямые защитники его отсрочили это дѣло. Однако сраженіе приближалось и тогда сожгли нижній этажъ, который былъ обращенъ въ пепелъ. Потомъ жгли первый этажъ, и поднимавшееся пламя спалило второй. Оно проникло въ третій, который я занимаю, сожгло даже кресло, на которомъ я писалъ столько лѣтъ... Но это было все, не хватило времени сдѣлать большее. Всего болѣе вреда этой комнатѣ,

сохранившейся какимъ то чудомъ въ пожаръ, нанесъ взрывъ порохового склада въ Люксембургъ. Стекла разлетѣлись не въ осколки, но въ мелкіе острые дрязги, въ иглы, которыя вонзились повсюду, и въ особенности въ мое лицо; я хочу сказать въ лицо на моемъ портретѣ, въ которое попала не одна пуля. Это жаль. Лицо это, которое лучше моего, очень хорошо рекомендовало бы меня будущему. Если бы оригиналъ его былъ на мѣстѣ, то навѣрное былъ бы если не убитъ, то ослѣпленъ.— И кто бы тогда могъ разобрать мои рукописи?

Къ счастью, я былъ далеко отъ Парижа. Я выѣхалъ оттуда, когда императрица, вмѣсто того чтобы думать о защитѣ, дозволила войти въ городъ этотъ двухъ миллионнаго населенія цѣлый міръ бесполезныхъ ртовъ—четыреста или пятьсотъ тысячъ крестьянъ. Я узналъ въ Лозаннѣ о паденіи империи. Никто въ Европѣ не могъ понять правительства до того безумнаго, что оно въ Парижѣ вдвинуло цѣлую Францію, какъ бы для того, чтобы ее могли взять разомъ. Это безуміе выказалось во всемъ свѣтѣ именно въ ту минуту, когда правительству такъ нужно было защищать свое дѣло, отвѣчать на клеветы, на подкупленные статьи толпы журналистовъ,—когда, говорю я, въ этой бурѣ ругательствъ и свистковъ, оно не отвѣчало, потому что само заперло, заглушило въ четырехъ стѣнахъ самые громкіе голоса свои. Я не знаю, что думали тѣ, которые находились внѣ Парижа съ ихъ воздушными шарами, голубями. Но я знаю, что въ эту мрачную пору—почти шесть мѣсяцевъ, міръ гремѣлъ отъ громкихъ ударовъ получаемыхъ безгласною Франціею. Мой семидесятидвухлѣтній возрастъ не позволялъ мнѣ быть тѣмъ сильнымъ голосомъ, который

былъ нуженъ Франціи. Но дѣло было такъ вопіюще, что и не французы могли быть потрясены. Посмѣяніе непріятеля не такъ пронзило мнѣ сердце какъ измѣна нашихъ друзей. Передо мной постоянно носился сонъ 1400 года, времени Карла VI, видѣніе челоука, который видѣлъ побѣдителя возсѣвшаго на тронѣ подѣ башнями церкви Бого-родицы и униженную Францію, плачущую въ притворѣ. Среди этого страшнаго молчанія я одинъ заговорилъ въ Европѣ. Книга моя, которую я написалъ въ сорокъ дней, была первой и долгое время единственной защитой отечества. Переведенная на нѣсколько языковъ и въ особенности на англійскій, она разрушала единопутіе зложелательства, которое такъ легко было добыто золотомъ г. Бисмарка. Раздались молодые краснорѣчивые голоса, даже изъ самаго Лондона въ нашу защиту. Общественная совѣсть была пробуждена отъ Темзы до Дуная. Австрія и геноическая Венерія помѣстили отрывками мою книгу въ своихъ журналахъ. Я назвалъ этотъ крикъ сердца «Франція передъ Европой» и выставилъ эпиграфомъ этотъ великій совѣтъ будущаго: судьи да будутъ судимы.

По странной случайности, о которой я нисколько не сожалею, издатель моего большаго труда—исторіи издалъ въ этомъ году первый томъ втораго изданія его и въ этомъ томѣ напечаталъ предисловіе, въ которомъ я, отдавая отчетъ въ моемъ предварительномъ изученіи, объяснялъ безъ всякихъ оговорокъ свои симпатіи къ старой Германіи, къ апостолу ея Лютеру, къ народнымъ суди-лищамъ ея и къ дружбѣ, которую почтилъ меня ученый собиратель Яковъ Гриммъ, умъ проницательный, появившій хорошо, что позади академической и официальной

ной Франціи есть и другая, не болѣе умная, но болѣе чистосердечная и глубокая.

Моя точка зрѣнія въ отношеніе Германіи была братской. О, какъ я любилъ ее, эту Германію, великую и наивную, Германію Нибелунговъ и Лютера, Бетховена, добраго Фребеля и дѣтскихъ садовъ. Но я несравненно менѣе любилъ ироническую Германію Гёте, софистическую Германію Гегеля, которая создала современный фатализмъ ея. Я ожидалъ большаго отъ Германіи, и я пораженъ тѣмъ, что вижу ее мертвой среди побѣдъ ея, мертвой въ желѣзномъ гробѣ, гдѣ (славянская держава) Пруссія похоронила ее.

Мои симпатіи къ Германіи и вообще ко всѣмъ великимъ народамъ Европы, симпатіи тѣмъ болѣе французскія, чѣмъ болѣе онѣ были европейскими, преимущественно проявились въ Французской Коллегіи. (Collège de France). Окруженный молодыми людьми, любившими меня, я держалъ тамъ столъ Артура, за который приходили садиться всѣ народы и просить, чтобы я напиталъ ихъ жизнью.

Все время, пока существовалъ Цезарь, я не думалъ возвратиться туда. Я оканчивалъ громадныя памятники, который я былъ обязанъ дать Франціи. Но въ 1871 г. я считалъ себя обязаннымъ требовать менѣе ради себя, чѣмъ ради Французской Коллегіи, ради несмѣняемости профессоровъ ея, — право признанное съ основанія ея и не однимъ министромъ.

Г. Жюль Симонъ отвѣтилъ мнѣ, что кафедра моя была правильно занята. Я отрицаю это. Въ 1852 году г. Альфредъ Мори, библіотекаръ пользовавшійся большимъ

довѣріемъ императора, получалъ назначеніе на кафедру эту и сверхъ того должность директора архивовъ.

То же запрещеніе моихъ учебниковъ, моего руководства Новой исторіи, которое нѣкогда было рекомендовано для университета. До такой степени боялись даже безпристрастныхъ книгъ замѣнившихъ книги имперіи.

Это не жалоба.

Отрѣшенъ на время въ 1847 г. министерствомъ Гизо, Отставленъ 2 Декабря, безъ просьбы объ отставкѣ и пенсіи,

Подожженъ коммуной,

И снова отпущенный отъ кафедры версальскимъ правительствомъ,

Я не жалуюсь. Ни что не измѣнило мнѣ. Правительства, партіи—все оказались согласными вознаградить меня, провозгласивъ, какъ только могли, мою независимость.

Я вполне заслужилъ это. Я не измѣнялся. Если у меня нѣтъ кафедры, то тѣмъ болѣе у меня есть трибуналъ, несмѣняемый и настолько высокій, что я могу хорошо видѣть бури, въ которыхъ все мятется и крутится подъ вихремъ революціи. Для государей, для народовъ и для революцій самихъ въ этомъ трибуналь послѣдній судъ, окончательное рѣшеніе, приговоръ.

1 Января 1872 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Одинъ изъ наиболѣе важныхъ и наименѣе замѣченныхъ фактовъ нашего времени тотъ, что ходъ времени совершенно измѣнился. Время страннымъ образомъ удвоило шагъ свой. Въ продолженіи жизни одного человѣка, (обыкновеннаго срока семидесяти двухъ лѣтъ), я видѣлъ двѣ большія революціи, между которыми въ прежнія времена должны бы были истечь два тысячелѣтія.

Я родился посреди великой земельной революціи и въ послѣдніе года, передъ своею смертію видѣлъ зарожденіе великой промышленной революціи.

Рожденный во время террора Бабѣфа, я вижу передъ смертію терроръ интернаціонала.

Много разъ та же самая паника создавала и въ мое время то, что считали лекарствомъ — военную диктатуру, цезаря Аустерлица, цезаря Седана.

Великія перемѣны, приковывая вниманіе къ себѣ, отвлекли его отъ факта не менѣе важнаго и болѣе общаго: созданія имперіи, величайшей, какую видѣло солнце, англійской имперіи, въ десять разъ болѣе обширной, нежели имперія Бонапарта и Александра великаго.

Никогда еще смерть не одерживала такого триумфа на земномъ шарѣ. Если Наполеонъ въ продолженіи только десяти лѣтъ съ 1804 по 1814 г., убилъ, по собственному исчисленію своему миллионъ семьсотъ тысячъ французовъ и, безъ сомнѣнія, столько же нѣмцевъ, русскихъ и пр., то Англія въ значительномъ процессѣ обвинила одного изъ правителей въ томъ, что онъ убилъ голодомъ и въ одинъ годъ миллионы индійцевъ. По одному этому факту можно судить чѣмъ могла быть въ продолженіи ста лѣтъ колониальная тиранія, господствовавшая безъ контроля, въ неизвѣстности надъ двумястами миллионами людей.

Но если разрушительныя силы одерживали такіе успѣхи, то и творческія силы не немѣе изумляютъ чудесами своими. И это такъ недавно! Мнѣ кажется, что я грежу, когда я думаю о невѣроятныхъ вещахъ совершившихся въ продолженіи одной человѣческой жизни. Я родился въ 98 г. То было время когда М. Уатъ, давно уже сдѣлавшій открытіе свое, примѣнилъ его на дѣлѣ на своемъ заводѣ Уаттъ и Больтонъ и производилъ безъ числа своихъ желѣзныхъ и мѣдныхъ работниковъ, благодаря которымъ Англія вскорѣ пріобрѣла силу четырехъ сотъ миллионъ людей. Этотъ чудесный англійскій міръ, родившійся со мною, уже клонится къ упадку. И этотъ ужасный вѣкъ, примѣнивъ къ войнѣ свой механическій геній, создалъ вчера побѣду Пруссіи.

Тѣ, которые думаютъ, что прошедшее заключаетъ въ себѣ будущее и что исторія есть рѣка текущая однообразно, катящая тѣ же самыя воды, должны здѣсь размыслить и увидѣть, какъ часто одинъ вѣкъ бываетъ противоположностью предшествовавшаго и даѣтъ ему порой рѣзкое опроверженіе. Насколько восемнадцатый вѣкъ, при смерти Людовика XIV, легко двигался впередъ на крылахъ идеи и индивидуальной

дѣтельности, на столько нашъ вѣкъ съ громадными машинами его—фабрикой и казармой, запрягая смѣло массы, ушелъ впередъ въ фатализмъ.

Замѣтьте какъ на эти великіе факты внизу отзывается на верху и очень вѣрно небольшой колоколь. Это философія, которая высказываетъ совершенно тоже самое. За фатализмомъ 1815 года и Гегеля идетъ фатализмъ медицинскій, фізіологическій Вирхова, Робена и Литтре.

Я останавливаюсь здѣсь на главномъ механизмѣ. И если я буду говорить о фатализмѣ идей, то только при случаѣ и когда меня вызоветъ къ этому прогрессъ естественныхъ наукъ, (какъ Ламаркъ въ этомъ томѣ).

Вообще исторія эта крайне матеріальная, можетъ быть выражена тремя словами: соціализмъ, милитаризмъ и индустріализмъ.

Три вещи, которыя взаимно порождаютъ и разрушаютъ другъ друга.

Терроръ Бабёфа столько же сколько и побѣды создали Банапарте, т. е. зараждавшійся соціализмъ, паникой своею создалъ торжество милитаризма.

А что же встрѣтилъ милитаризмъ въ великой борьбѣ своей? Постоянно англійское золото, созданное промышленной державой, которая покупала и вооружала Европу,—державой, побѣжденной при Аустерлицѣ, побѣдившей при Ватерло.

Нельзя понять вѣкъ иначе, какъ увидѣвъ его во всей совокупности его. Громадные факты нашего вѣка остались бы очень темными, если бы мы не взяли его въ общемъ началѣ его—*машинъ* и прежде всего въ человѣческой машинѣ: *войскъ*.

Я предположу что, не имѣя понятія о Европѣ, я смотрю на нее съ высоты, напр., съ воздушнаго шара. Что первымъ

остановить мой взгляд? Явленіе почти тождественное въ цѣломъ западѣ. Я увижу въ нашей Франціи громадныя массы стремящіяся къ обширнымъ и угрюмымъ ульямъ, которые называются казармами, а въ Англіи толпы не менѣе громадныя, скучивающіяся въ мрачныхъ зданіяхъ, которыя называются фабриками. Вся Англія цѣликомъ и сама собой вошла туда и погреблась тамъ. Гдѣ она эта старая Англія съ ея земледѣльческими классами, крестьяниномъ, дворяниномъ—помѣщикомъ?.. Все это исчезло въ три четверти вѣка и очистило мѣсто народу рабочихъ, запертыхъ на фабрикахъ. У насъ, вотъ уже восемьдесятъ лѣтъ, сынъ крестьянина щегольски разубраный лентами каждый годъ принимаетъ распѣвая рабство казармъ и скучныя упражненія ихъ. Зачѣмъ? Чтобы избѣжать труда пахать борозду, однообразія земледѣльской работы. Англичанинъ принимаетъ вполнѣ эту монотонію, эту безконечную скуку долгихъ часовъ. Если оба дѣйствуютъ такъ противно природѣ, то на это есть разнообразныя мотивы. Но самый общій для Англіи вотъ уже цѣлый вѣкъ, а для насъ нѣсколько менѣе, есть переменная питательной діеты, потребность пищи болѣе дорогой, которая удваивала бы силу.

Есть-ли это, какъ то полагаютъ матеріалисты, чистый матеріализмъ? Простая ли чувственность ставить міръ на эту покатую плоскость? Нѣтъ, это дѣлаетъ болѣе всего идея, радость считать себя сильнымъ, вѣрить что можешь большее. Всѣ болѣе и болѣе стремятся къ этому, для того чтобы дѣйствовать и производить. Все было увеличено и ускорено этою переменною пищей.

Слѣпое нетерпѣливое желаніе быть сильнымъ увлекаетъ нерѣдко предпочитать самому мясу то, что даетъ немедленно пароксизмъ искусственной силы — перебродившіе напитки,

алкоголь. Отсюда тысячи извѣстныхъ бѣдствій. Довольно будетъ сказать, что эти сильные двигатели, которые такъ усиленно напрягаютъ человѣческую машину, безконечно усилили страсть творить чудеса, получать внезапныя дѣйствія, слѣдовать за великими механиками и за лживыми обольстителями, которые обманываютъ насъ, обѣщая чудеса.

Въ этомъ томѣ я долженъ замѣтить одну вещь и предупредить читателя, который, дойдя до двухъ третей, встрѣтитъ мгновенную перемену, громадный скачекъ, ужасающія паденія. Моя ли вина, если этотъ томъ чудовищенъ, дисгармониченъ? Нѣтъ, то вина бога этого вѣка, варварской и убійственной фатальности его.

Проѣзжали ли вы иногда по желѣзной дорогѣ туннель, который вдругъ измѣняетъ видъ мѣстности, пейзажъ; напримеръ, когда вы изъ улыбающихся окрестностей Ліона вступаете въ міръ рудниковъ, посреди черствыхъ шлаковъ и черныхъ углей Фореза? Эта перемена очень слабое подобіе той, которую найдутъ въ этомъ томѣ. Вы очутились внезапно у расщелины глубокой и до того широкой, что вы не можете перескочить черезъ нее. Вы все равно, что на ледникѣ у какого нибудь опаснаго перехода. Все подламывается, все обрушивается. Что вижу я на днѣ? Ужасъ! Прежде всего три мильона мертвыхъ, потомъ 1815, 1870, погребеніе Франціи, завтра — Германіи, которая затрещитъ, сдавленная между Франціею и Россіею.

Но, чтобы возвратиться къ принципу катастрофы, передъ 1800 года, вещь очень трагическая — это головокруженіе, родъ помѣшательства ума. Дурной сонъ террора и всемірной войны перевернулъ всѣ умы, выбилъ ихъ изъ границъ разума и равновѣсія, и сдѣлалъ ихъ болѣе всего жадными до эмоцій. Когда исчерпано и изнасиловано все, что

давала человѣчность, тогда нуженъ какой нибудь миражъ, какой нибудь сонъ, который, кажется выше ея. Тогда хотѣть чудесъ во что бы то ни стало.

Но какія противорѣчія! Никогда Франція не была такъ умилена какъ на другой день термидора. Внезапно проявилась живая чувствительность и въ системахъ соціальнаго братства и въ наукахъ, доказывающихъ вселенское родство природы отъ человѣка до животнаго. Наконецъ въ искусствѣ проявилась трогательная грація въ Прюдонѣ. Кажется, что ложный героизмъ и комедіи энергіи—всѣ сосредоточились въ картинахъ Давида.

Кто бы повѣрилъ, что въ эту самую минуту сюрпризъ насильственнаго *imbroglio*, быстрый выходъ на сцену чужеземнаго актера восхититъ зрителей и заставитъ ихъ измѣнить самимъ себѣ? И не только одна масса восторгается передъ этимъ Бонапартомъ. Художники, которые тѣ же дѣти, рукоплещутъ. «Какое счастье! Превращеніе на сценѣ!.. Какое чудесное, необъяснимое зрѣлище. Человѣчество вдругъ перестаетъ считаться за что нибудь въ дѣлахъ человѣческихъ. Какое упрощеніе на театрѣ! Одинъ актеръ! Ахъ, вотъ это и есть классическое зрѣлище, истинная картина исторіи». Другіе чуютъ подъ этимъ видимымъ единствомъ страшный кавардакъ, но остерегаются выяснить его. Они радуются ему дѣтскою радостью, тою радостью, какую возбуждаетъ въ дѣтяхъ переѣздъ и пожаръ. Это великолѣпно! Ничего нельзя въ томъ понять!

И такъ они не только далеко не желали разъяснить это великое усложненіе, но готовы были скорѣе усилить его. Они охотно создали бы изъ этого замѣшательства вавилонское столпотвореніе еще болѣе разногласное. Они хотѣть во что бы то ни стало чуда.

Въ отношеніи Бонапарте, серьезное изслѣдованіе покажетъ, что не только успѣхъ его былъ далеко не чудомъ, но что было бы чудомъ, если бы онъ, при такихъ обстоятельствахъ, не имѣлъ успѣха.

Правительство, которое настало послѣ великаго напряженія силъ 93 г., было погублено однимъ утомленіемъ—слѣдствіемъ такого напряженія; погублено въ финансовомъ отношеніи милліардами фальшивыхъ ассигнацій, фабрикованныхъ англичанами, погублено въ военномъ отношеніи необходимостью, въ какую оно было поставлено, дать въ одинъ годъ отставку 300.000 солдатамъ и 17.000 офицерамъ. Было легко предвидѣть, что получившіе отставку люди эти будутъ искать вождя и послѣдуютъ за нимъ. Они не хотѣли одного изъ своихъ, но охотно взяли иностранца, котораго непроницательный Баррасъ и доверчивый Карно возвышали наперерывъ, одинъ передъ другимъ, и который съ чудесной арміею революціи одержалъ очень быстрые успѣхи.

Странное, но легко понятное совпаденіе то, что онъ видѣлъ, какъ независимо отъ арміи пошла къ нему нація. Почему?

Франція имѣла великодушное неслогоразуміе позволить эмигрантамъ возвратиться, поднимался безконечный споръ между возвратившимся эмигрантомъ и покупщикомъ національных имуществъ, между старымъ и новымъ владѣльцемъ. Какъ судить такую тяжбу? Подумали, что каждый французъ будетъ слишкомъ заинтересованъ въ этомъ дѣлѣ. Доверились этому итальянцу, который подавалъ надежды всѣмъ.

То же самое видѣли очень часто въ Италіи, когда городъ не надѣявшійся примирить самъ внутренніе раздоры

ввѣрялся какому нибудь чужеземцу, котораго призывали издалека и котораго назначали вооруженнымъ судьей, подестою.

Но здѣсь было нѣчто большее. Измѣненія собственности создали сомнѣнія на счетъ свойствъ и самаго права ея. Бабѣфъ, главный творецъ теорій этихъ, имѣлъ за себя часть якобинцевъ. Это вызвало общую тревогу. Подумали, что общество само находится на краю гибели и о спасеніи его молили великаго раздавателя обѣщаній—итальянца, который завладѣлъ двумя классами собственниковъ, давая гарантіи новымъ, а старымъ—мѣста, еще непроданныя имѣнія ихъ и, наконецъ, вознагражденія двора.

Впрочемъ, я вовсе не хочу писать исторію Наполеона. Я хочу только показать происхожденіе его системы и милитаризма, показать какъ война, ставъ при немъ ремесломъ, промышленностью, боролась противъ англійской промышленности. Последняя, такая хищническая въ безконечности колоній, создавъ внутри цѣлый міръ богатствъ, за то разрушила Old England, старую Англію, въ которой была душа страны.

Вотъ въ чемъ смыслъ, главный предметъ томовъ, которые я печатаю. Моя радость въ томъ, что я могу наконецъ призвать справедливосъ въ исторію, такъ долго затемненную. Побѣдители, побѣжденные, всѣ равно оттого пострадали. И я употребляю всѣ усилія, чтобы воздать всѣмъ должную справедливость. Увидать какой заговоръ постоянно составлялъ бонапартизмъ противъ Гоша, Массены и такъ многихъ другихъ